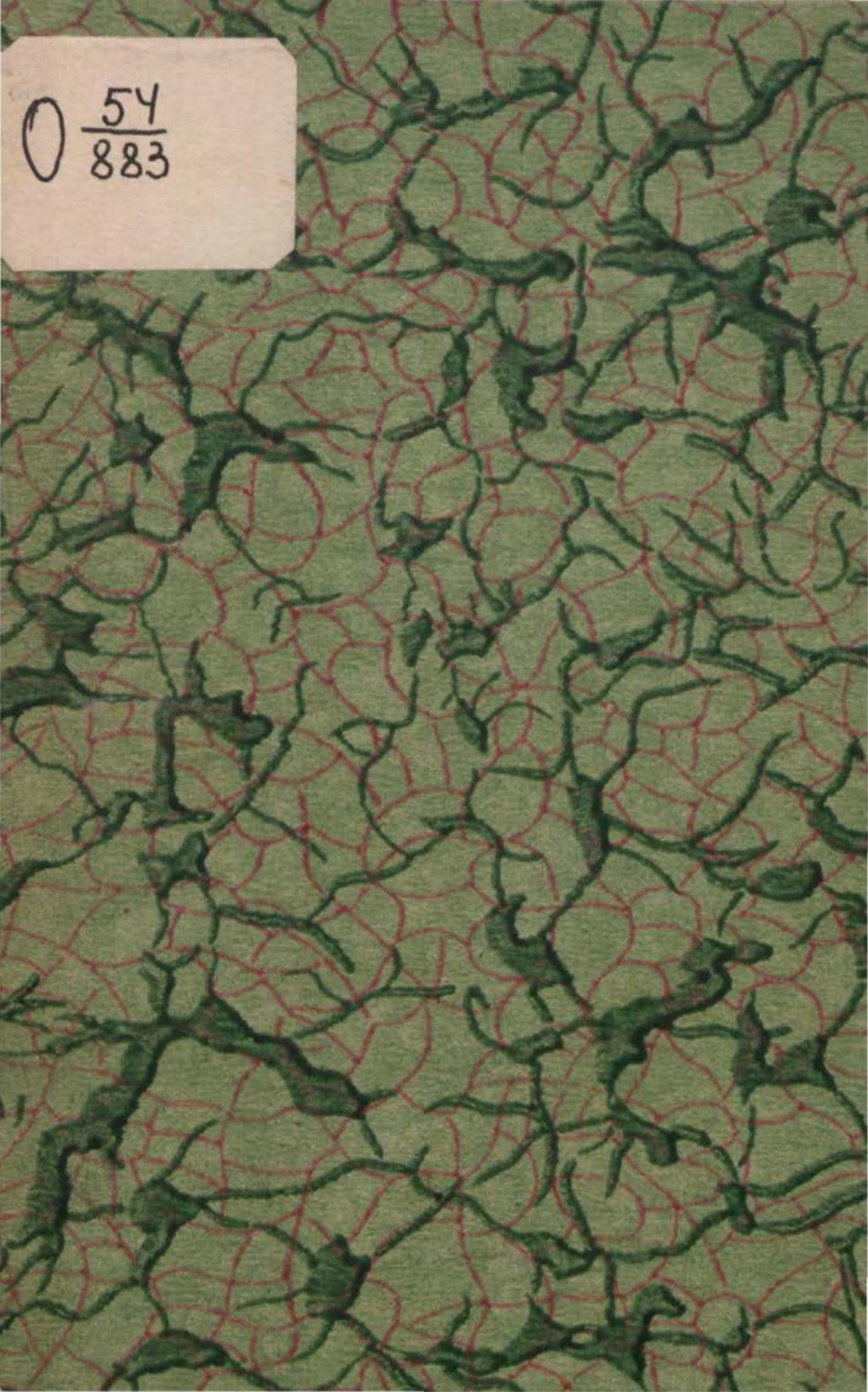
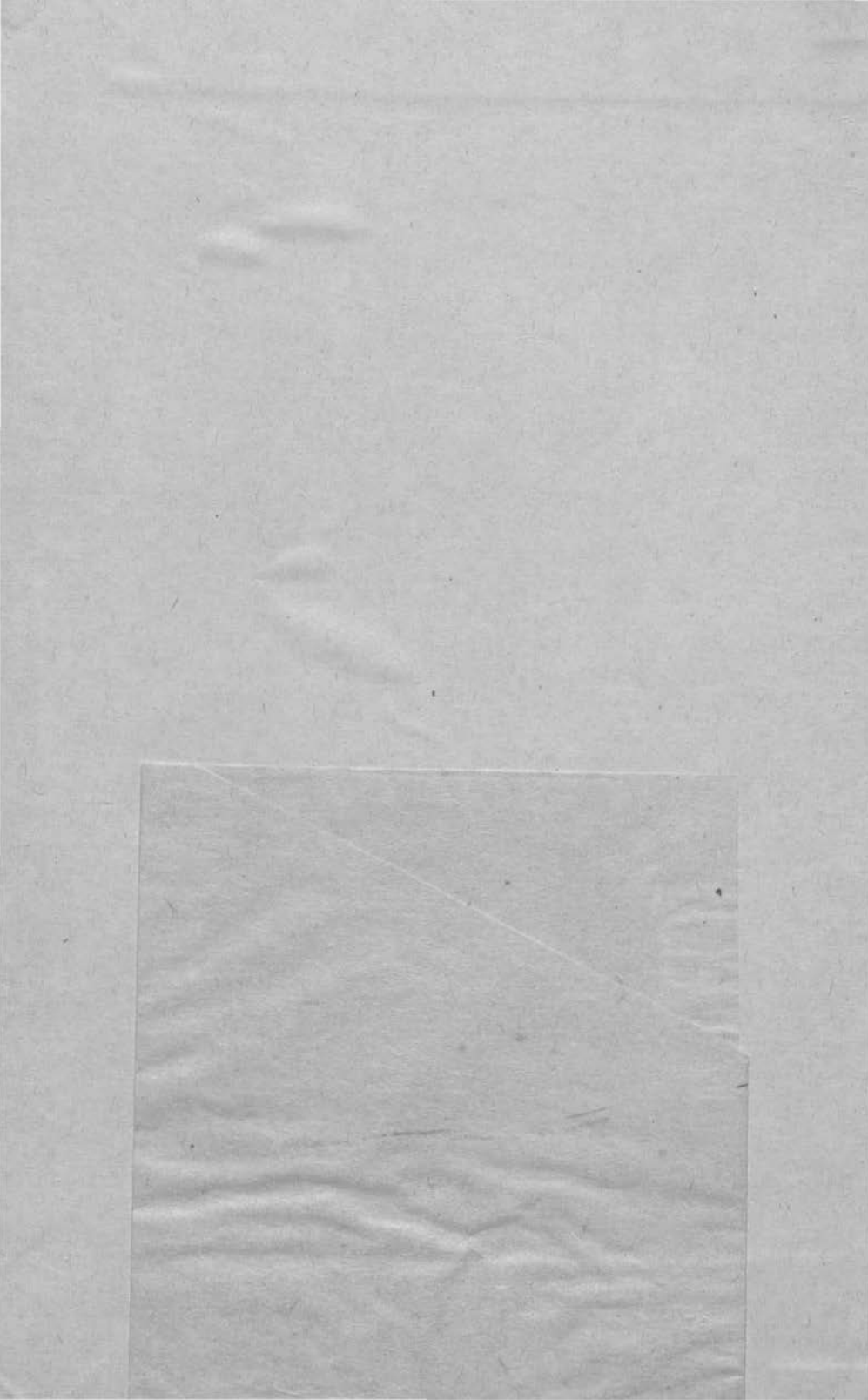

0 $\frac{54}{883}$

6404

Профессоръ М. Красноженъ,
Докторъ церковнаго права.

О-54
883

Современные вопросы.

Бракъ и разводъ. — Преплюбодѣніе. — Свобода совѣсти
и вѣротерпимость. — Наука и политика.

(4 рецензіи).

ЮРЬЕВЪ.

Печатано въ типографіи К. Маттисена.

1905.

Изъ Сборника Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ
Юрьевскомъ Университетѣ. Т. IX.

Ф-40670-41

2010515179

0 54
883

Современные вопросы.

(4 рецензій).

В. И. Добровольскій. Присяжный повѣренный. Бракъ и разводъ. Очеркъ по дѣйствующему брачному праву и по проекту новаго гражданскаго уложенія. С. Петербургъ. 1903. Стр. 247 (in 8°). Цѣна 1 руб.

Вопросы брачнаго права въ послѣднее время особенно интересуютъ русское общество и современную печать. Достаточно упомянуть недавно вышедшую въ свѣтъ своеобразную книгу публициста „Новаго Времени“ В. В. Розанова „Семейный вопросъ въ Россіи“¹⁾, нашедшую обширный кругъ читателей, „Курсъ семейнаго права“ профессора Новороссійскаго Университета Загоровскаго²⁾, рядъ изслѣдованій по отдѣльнымъ вопросамъ брачнаго права, между прочимъ, по вопросу „о разводѣ“ профессора Харьковскаго Университета Л. Загурскаго³⁾, чтобы видѣть, какое большое вниманіе удѣляютъ вопросамъ брачнаго и семейнаго права современные ученые и публицисты.

1. С. Петербургъ 2 т. 1903 г.

2. Одесса. 1902 г.

3. „О разводѣ“. Актовая рѣчь. Записки Харьковскаго Университета 1903 г. Кн. 2. — См. также мою статью: „Старые и новые законы о разводѣ“, помѣщенную въ VII томѣ „Сборника Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ“. Юрьевъ. 1904 г.

Интересъ къ указаннымъ вопросамъ понятенъ самъ собою, такъ какъ вопросы эти затрогиваютъ самыя существенныя, самыя дорогія права людей. Нельзя также упускать изъ виду, что въ настоящее время вопросы брачнаго права имѣютъ еще особый современный интересъ, въ виду предполагаемый реформы нашего Гражданскаго Уложенія, важнѣйшую часть котораго составляетъ право брачное и семейное.

Г. присяжный повѣренный В. И. Добровольскій тоже заинтересовался этими вопросами и въ своемъ трудѣ: „Бракъ и разводъ“ задался цѣлью дать очеркъ по дѣйствующему брачному праву и по проекту новаго Гражданскаго Уложенія.

Большая часть книги г. Добровольскаго представляетъ собою компиляцію вышедшихъ раньше его труда изслѣдованій по тѣмъ же вопросамъ; ничего новаго въ ней поэтому мы искать не будемъ, а лишь разсмотримъ, насколько успѣшно компиляторъ воспользовался имѣвшимися въ его рукахъ матеріаломъ и насколько правильно изложилъ его въ своей книгѣ, рассчитанной, по видимому, на большой кругъ читателей.

Въ своемъ введеніи г. Добровольскій указываетъ слѣдующую систему своей работы. Изложенію догматической стороны онъ считаетъ необходимымъ предпослать небольшую историческую справку для выясненія происхожденія современнаго брачнаго законодательства; вторую часть составляетъ изложеніе формъ и условій вступленія въ союзъ брачный и послѣдствій, отсюда проистекающихъ въ личныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ; третья часть книги посвящена вопросу о расторженіи союза брачнаго; четвертая и послѣдняя составляетъ изслѣдованіе законодательныхъ положеній брачнаго права по новому проекту Гражданскаго Уложенія.

Историческій очеркъ (стр. 9—31) составляетъ самую слабую часть книги г. Добровольскаго. Особенно рѣзко

выступает незнакомство автора съ законодательными памятниками брачнаго права, о чемъ онъ трактуетъ на стр. 10—13 своего труда. Такъ, главнымъ законодательнымъ актомъ по вопросамъ брачнаго права, по мнѣнію г. Добровольскаго, надо признать положенія Стоглаваго собора 1551 года, постановленія котораго, какъ извѣстно, подверглись строгой критикѣ Большаго Московскаго собора 1667 года, который отозвался объ отцахъ Стоглаваго собора, что они многое написали „простотою своею и невѣжествомъ“¹⁾. Говоря о Кормчей книгѣ г. Добровольскій утверждаетъ, что „въ послѣдній разъ Кормчая книга издана въ 1839 году, подъ названіемъ: „Книги правилъ“ на греческомъ и русскихъ языкахъ“ (стр. 12). Неудивительно поэтому странное пожеланіе автора, чтобы „все семейное право было подвергнуто коренному пересмотру, а въ особенности правила церкви (sic!), дабы подчасъ не провѣренная (чѣмъ?) на нихъ ссылка не могла служить препятствіемъ къ поступательному движенію общегосударственнаго гражданскаго законодательства“ (стр. 206). А какъ Вамъ понравится слѣдующее утвержденіе автора: „со времени Петра I бракъ совершенно подчиняется (!) церкви и пріобрѣтаетъ значеніе таинства!“ (стр. 15)?

Въ дальнѣйшемъ изложеніи, говоря о времени совершенія брака (вопросъ этотъ имѣетъ практическое значеніе и долженъ быть извѣстенъ юристу-адвокату), г. Добровольскій указывая время, закрытое для заключенія браковъ (*tempus clausum*), совершенно пропускаетъ (см. стр. 34—35) дни наканунѣ коронаціи и восшествія на престолъ Государя Императора, дни Воздвиженія Креста Господня (14 сентября) и Усѣкновенія Главы Іоанна Крестителя²⁾.

Удовлетворительнѣе послѣдняя часть книги: „Брачное право по проекту новаго Гражданскаго Уложенія“ (стр.

1) Проф. А. Павловъ. Курсъ церковнаго права, стр. 170—175.

2) Ср. Н. Суворовъ. Учебникъ церковнаго права. Изд. 2-е Москва. 1902 г., стр. 379—380.

210—242), въ которой авторъ, между прочемъ, сѣтуетъ на то, что „составители проекта не только не облегчаютъ возможности развода, но стараются сдѣлать его недостижимымъ“ (стр. 242).

Однако, не смотря на указанные недостатки, книга г. Добровольскаго въ общемъ является небезполезною. Написана она простымъ понятнымъ языкомъ.

М. М. Абрашкевичъ, приватъ-доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета, товарищъ прокурора Одесскаго окружнаго суда. Прелюбодѣяніе съ точки зрѣнія уголовного права. Историко-догматическое изслѣдованіе. Одесса. 1904. Стр. 640.

Обширный трудъ г. Абрашкевича появился совершенно вовремя. Прогрессивно возрастающее число супружескихъ измѣнъ, семейныхъ драмъ и внѣ-брачныхъ сожителствъ составляетъ характерную особенность современнаго русскаго общества, достояніе всѣхъ званій и сословій. Напрасно нѣкоторые ищутъ причину столь печальныхъ явленій въ неудовлетворительности нашего брачнаго и семейственнаго законодательства, полагая, что, съ реформой этого законодательства, эти явленія исчезнутъ.

Немало толковъ въ печати вызвалъ и недавно опубликованный законъ, отмѣняющій 253-ю статью Устава Духовныхъ Консисторій и разрѣшающій лицамъ, разведеннымъ за прелюбодѣяніе, вступать на новый бракъ. Въ то время какъ одни горячо привѣтствовали изданіе этого закона, другіе видятъ въ немъ лишь уступку современнымъ распущеннымъ правамъ, уступку весьма опасную, подрывающую крѣпность брака, какъ тайнства.

Ревностнымъ защитникомъ крѣпости брачныхъ узъ выступаетъ и авторъ вышеназваннаго ученаго изслѣдованія, отмѣчая, между прочимъ, въ своемъ введеніи (стр. 2)

тотъ фактъ, что „въ наши дни устои современнаго уклада — собственность и бракъ — вызываютъ яростныя нападки заклятыхъ несправедливыхъ существующаго строя, мечтающихъ о насажденіи иныхъ новыхъ порядковъ.“

Видя въ прелюбодѣяніи оскорбленіе святости брака, какъ *религіознаго* или же какъ *общественно-государственнаго* института, г. Абрашкевичъ приводитъ рядъ доводовъ противъ мнѣнія о совершенномъ устраниеніи уголовной репрессіи прелюбодѣянія. „Дѣйствительно ли государство, вѣрное своему назначенію, говоритъ онъ, при существующихъ житейскихъ условіяхъ, можетъ и должно рѣшиться на такой шагъ? Привѣтствовать ли, при наличныхъ данныхъ, такое рѣшеніе, какъ истинный успѣхъ уголовного законодательства?“ (стр. 614).

„Микробъ преступленія, по выраженію Франца фонъ-Листа, вырастаетъ въ бульонѣ, который представляетъ общество“. Принципъ взаимной вѣрности обоихъ супруговъ, съ такимъ трудомъ выработанный прогрессомъ, воспринятый всѣми цивилизованными націями, далеко не пользуется надлежащею поддержкой общества, во всѣхъ слояхъ котораго наблюдается стремительное паденіе нравовъ. Въ наши дни адюльтеръ пріобрѣтаетъ права гражданства. Чистота семейныхъ нравовъ отступаетъ предъ нимъ все далѣе и далѣе. Вѣрность супружескому долгу рисуется особенною заслугой, изъ простой естественной обязанности возводится въ подвигъ. Бракъ изъ союза двухъ угрожаетъ обратиться въ сопряженіе трехъ, если не болѣе лицъ. Въ современной литературѣ, отражающей такъ печально сложившуюся жизнь, трудно отыскать произведеніе, которое бы не затрогивало такъ или иначе вопроса о нарушеніи супружеской вѣрности. Въ произведеніяхъ Максима Горькаго, философіей Ницше объявляется война идеаламъ, завѣщаннымъ предшественниками поколѣніями, какъ дорогое наслѣдство; подъ флагомъ возвеличенія личной свободы и мощи раздается апологія разнузданности, разыгрывается апоѳеозъ черно-

земныхъ силъ, порою напоминающій боевой кличъ знаменитаго философа порока Маркиза де Сада“ (стр. 614—616).

Бракъ и прелюбодѣянiе, по мнѣнiю почтеннаго автора, два непримиримые врага, два антипода, между которыми нѣтъ посредствующихъ звеньевъ. Отрицать вредоносность прелюбодѣянiя — значитъ отвергать необходимость брака, и, наоборотъ, отстаивая бракъ, нельзя терпѣть прелюбодѣянiя. Поэтому, пока государство видитъ въ бракѣ союзъ, имѣющій важное социальное значенiе, пока оно печется объ этомъ союзѣ, регламентируетъ его, возводитъ въ юридическiй институтъ — прелюбодѣянiе, какъ дѣйствiе, расшатывающее основы брака, не можетъ игнорироваться правомъ, оно должно влечь за собой наказанiе, какъ для прелюбодѣйнаго супруга, такъ и для его соучастника: бракъ долженъ быть святъ въ глазахъ всѣхъ и cadaго (стр. 619—627.)

Несомнѣнно при этомъ, что наказанiе за прелюбодѣянiе должно соответствовать достоинству брака, устои котораго оно подрываетъ. И дѣйствительно, всѣ законодательства, карающiя прелюбодѣянiе, назначаютъ строгiя наказанiя какъ прелюбодѣйному супругу, такъ и его соучастнику — тюремное заключенiе (иногда даже на срокъ болѣе года¹). Иначе посмотрѣло на прелюбодѣянiе наше новое Уголовное Уложенiе, видящее въ немъ не „тяжкое преступленiе“ и даже вовсе не „преступленiе“, а только „проступокъ“, караемый арестомъ¹). По новому Уголовному Уложенiю, супруга, сбѣжавшая съ любовникомъ отъ своего семейнаго очага, наказуется какъ „служащiй . . . виновный въ самовольномъ оставленiи парохода или морскаго судна, отправляющихся въ плаванiе или находящихся въ плаванiи, безъ уважительной причины, на время болѣе трехъ сутокъ“²); супругъ, нарушившiй обѣтъ вѣрности, отдающiй свое вниманiе, ласки

1) Ст. 418.

2) Ст. 372, п. 2.

и средства посторонней женщины, наказуется наравнѣ съ тѣмъ, кто по легкомыслію присвоилъ предметъ цѣною менѣе 50 копѣекъ“¹⁾; доморощенный Донъ-Жуанъ, разбивающій иногда однимъ ударомъ счастье всей семьи, наказывается совершенно такъ же, какъ „виновный въ умышленномъ нанесеніи удара или иномъ насильственномъ дѣйствіи, нарушившемъ тѣлесную неприкосновенность“²⁾ и т. п. И такими мѣрами думаютъ купить уваженіе къ брачному союзу и страхъ передъ отвѣтственностью за посягательство противъ этого союза!.. Мало того, почтенный авторъ той части проекта, которая охватываетъ преступленія противъ правъ семейственныхъ, И. Я. Фойницкій, въ уголовной репрессіи прелюбодѣянія видитъ средство къ сокращенію саморасправы³⁾, словно тотъ, кто считаетъ необходимымъ смыть свой семейный позоръ кровью измѣнницы или ея возлюбленнаго, откажется отъ своей мести ради той перспективы, что виновные отсидятъ за то подъ арестомъ (стр. 636).

„Намъ кажется, заключаетъ авторъ, лучше совсѣмъ отказаться отъ уголовной репрессіи прелюбодѣянія, признать единственнымъ юридическимъ послѣдствіемъ его разводъ по жалобѣ оскорбленнаго супруга, чѣмъ оказывать общественной нравственности такія сомнительныя услуги, какъ наложеніе ареста на виновныхъ въ прелюбодѣянніи“⁴⁾.

Мы отмѣтили здѣсь лишь немногія, наиболѣе существенныя, мѣста интереснаго изслѣдованія г. Абрашкевича; желающихъ подробнѣе познакомиться съ обстоятельно раз-

1) Ст. 574.

2) Ст. 475.

3) Курсъ особенной части, стр. 136. Уголовное Уложеніе. Проектъ редакціонной комиссіи и объясненіе къ нему, 1895 г., т. IV, стр. 208.

4) Тотъ же взглядъ мы высказывали еще при обсужденіи проекта новаго Уголовнаго Уложенія. См. нашу статью: Профессоръ М. Красноженъ. „Старые и новые законы о бракѣ“. Юрьевъ. 1898 г., стр. 16: „Назначенное въ 359 статьѣ проекта Уголовнаго Уложенія, писали мы тогда, не можетъ удовлетворить обиженнаго, никого не устрашаетъ и никого не исправляетъ“.

смотрѣннымъ авторомъ вопросомъ отсылаемъ къ его книгѣ, которая, несмотря на свой обширный объемъ, читается легко, такъ какъ написана прекраснымъ литературнымъ языкомъ.

**К. К. Арсеньевъ. Свобода совѣсти и вѣротерпимость
Сборникъ статей. С.-Петербургъ 1905.**

Настоящая книга, какъ говорить въ предисловіи къ ней самъ авторъ, образовалась изъ соединенія въ одно цѣлое ряда статей о религіозной свободѣ, напечатанныхъ имъ съ 1880-го по 1904 года въ „Вѣстникѣ Европы“ (въ видѣ внутреннихъ обзорѣній и общественныхъ хроникъ). Заглавіе книги „Свобода совѣсти и вѣротерпимость“ не соотвѣтствуетъ ея содержанію: напрасно читатель сталъ бы искать въ этой книгѣ разрѣшенія такихъ жгучихъ и столь сложныхъ вопросовъ, какъ вопросы о свободѣ личной религіозной совѣсти въ области права и жизни и о свободѣ вѣроисповѣданій. Нѣсколько теоретическихъ замѣчаній мы находимъ у автора лишь въ началѣ и въ концѣ книги; бѣольшая часть труда г. Арсеньева посвящена разсмотрѣнію и критикѣ отчетовъ оберъ-прокурора Св. Синода о положеніи въ Россіи раскола, сектантства, лютеранства, язычества и магометнства (ничего не говорится только о положеніи въ Россіи евреевъ). Особенно подробно г. Арсеньевъ останавливается на вопросахъ о расколѣ и сектантствѣ. Этимъ вопросамъ посвящены три статьи: первая, подъ заглавіемъ „Расколъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ и законъ 3 мая 1883 г.“, вторая: „Расколъ послѣ закона 1883 года“, и третья: „Сектантство послѣ закона 3-го мая 1883 года“.

К. К. Арсеньевъ является ревностнымъ поклонникомъ свободы совѣсти, въ смыслѣ выбора каждымъ *ad libitum* того или другого вѣроисповѣданія, и очень сожалѣетъ, что мнѣніе двухъ членовъ редакціонной комиссіи по соста-

вленію новаго Уголовнаго Уложенія (Н. С. Таганцева и П. Я. Фойницкаго), нашедшихъ, что стремленіе къ обращенію въ свою вѣру (по просту пропаганды) является естественнымъ выраженіемъ религіознаго чувства и сомнѣвавшихся, поэтому, въ наказуемости такого стремленія, не было принято ¹⁾).

Предоставленіе каждому опредѣлять свое вѣроученіе, свою принадлежность къ тому или другому религіозному обществу, и уравниеніе исповѣданій, образовавшихся путемъ отдѣленія отъ православной церкви, съ издавна признанными инославными и иновѣрными исповѣданіями — вотъ, по мнѣнію автора, два условія, безъ осуществленія, которыхъ немыслима у насъ въ Россіи вѣротерпимость. Только тогда сдѣлается доступнымъ для каждаго „свободное отправленіе его вѣры“ — не той вѣры, къ которой онъ „приписанъ“, а той, которую онъ носитъ въ своемъ сердцѣ, только тогда станетъ возможнымъ дѣйствительно свободное отправленіе богослуженія, составляющее неугасимую потребность вѣрующихъ“ (стр. 284).

Въ книгѣ г. Арсеньева есть много совершенно не относящагося къ дѣлу, какъ напримѣръ, полемика его по поводу статьи г. Дурново: „Колонизація Россіи иностранцами“ ²⁾, а также по поводу статьи г. Н. Субботина: „Нѣчто объ австрійскомъ согласіи въ расколѣ“ ³⁾ и др. Статьи эти съ успѣхомъ могли бы быть опущены.

1) Въ настоящее время мы уже видимъ, какою опасностью, послѣ изданія Высочайшаго указа 17 апрѣля 1905 года, угрожаетъ Православію воинствующій католицизмъ въ западныхъ губерніяхъ въ Россіи, а протестантизмъ въ здѣшнемъ Прибалтійскомъ краѣ.

2) Статья эта была помѣщена въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1893 годъ.

3) Напечатана въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1904 годъ.

А. С. Будилевичъ. Наука и политика. Три статьи по злободневнымъ вопросамъ. С. Петербургъ. 1905. Стр. 109. Цѣна 50 коп.

Наше отечество въ настоящее время, безспорно, переживаетъ весьма важный историческій моментъ. Неотложность преобразованія нашего государственнаго строя еще на дняхъ подтверждена съ высоты Престола (въ отвѣтъ Государя Императора на обращенныя къ нему рѣчи ординарнаго профессора Московскаго университета князя С. Н. Трубецкаго и гласнаго петербургской городской думы М. П. Федорова). Всѣ истинно русскіе люди съ нетерпѣніемъ ожидаютъ устроенія нынѣ пришедшей въ разстройство земли Русской и устраненія препятствующихъ ея развитію недостатковъ, столь ясно обнаружившихся въ переживаемое нами тяжелое время. Представители русскаго ученаго міра — академики, профессора высшихъ учебныхъ заведеній и ихъ младшіе товарищи — приватъ-доценты, ассистенты, лаборанты и др., съ своей стороны, не остались равнодушными къ судьбамъ своего отечества и на бывшемъ въ С. Петербургѣ (25—28 марта с. г.) съѣздѣ 170 профессоровъ и преподавателей постановили рядъ резолюцій, направленныхъ, по ихъ мнѣнію, къ улучшенію состоянія внутренней жизни Россіи.

„Все общество, говорятъ 170 профессоровъ и преподавателей, сверху до низу пришло въ движеніе; всѣ старыя основы уже фактически рушились, между тѣмъ новыя формы еще не сложились и общество переживаетъ періодъ полнаго разстройства . . . , каждая минута промедленія увеличиваетъ правительственную и отечественную анархію и смуту, которая грозитъ неисчислимыми бѣдствіями странѣ.“ На необходимость „полнаго и кореннаго преобразованія современнаго государственнаго строя Россіи“, путемъ „привлеченія свободно избранныхъ представителей всего народа къ

осуществленію законодательной власти и контролю надъ дѣйствіями администраціи“, указано было нѣсколько ранѣе также „въ Запискѣ 342 ученыхъ о нуждахъ просвѣщенія“.

Высказанные въ этой „Запискѣ“, а также въ резолюціяхъ 170 профессоровъ и преподавателей взгляды и пожеланія вызвали рядъ критическихъ замѣчаній со стороны извѣстнаго русскаго ученаго и публициста, бывшаго ректора Юрьевскаго университета, А. С. Будиловича. Эти критическія замѣчанія и возраженія его ученымъ коллегамъ собраны А. С. Будиловичемъ въ одно цѣлое въ только что вышедшемъ въ свѣтъ его сборникѣ подъ заглавіемъ: „Наука и политика“.

Въ сборникѣ помѣщены слѣдующія статьи г. Будиловича: 1. Нѣсколько критическихъ замѣчаній на „Записку 342 ученыхъ о нуждахъ просвѣщенія“; 2. Еще два слова о „Запискѣ 342 ученыхъ“; 3. О политическихъ мечтаніяхъ 170 профессоровъ и преподавателей. Первая изъ указанныхъ статей было напечатана въ газетѣ „Новое Время“ (17 февраля 1905 г. № 10,400), вторая — въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (апрѣль 1905 г.), а третья — издается здѣсь впервые. Мотто статьи: *Litteris et patriae* заимствовано г. Будиловичемъ изъ надписи на фронтонѣ страсбургскаго университета, какъ лапидарная формула духа и стремленій западной академической науки. Сборникъ посвящается памяти А. С. Хомякова, Людевита Штура и А. И. Добрянскаго. Тѣни Хомякова, Штура, Добрянскаго вызываются здѣсь во свидѣтельство истины и какъ три свѣточа, ярко освѣщающіе съ востока и запада тотъ историческій путь, который открывается нынѣ передъ русскимъ народомъ (предисловіе).

Въ двухъ первыхъ статьяхъ (на стр. 7—64) А. С. Будиловичъ подробно разбираетъ „Записку 342 ученыхъ о нуждахъ просвѣщенія“. Записка эта произвела на г. Будиловича тягостное впечатлѣніе своимъ высокомѣрнымъ догматизмомъ, явными преувеличеніями, отсутствіемъ

исторической перспективы, а кое-гдѣ и логическими противорѣчіями (см. стр. 8).

Назвавъ свое заявленіе „Запиской 342 ученых“, г.г. академики, профессоры и ассистенты должны бы, изъ уваженія къ читателю и обществу, представить достаточную мотивировку каждаго изъ своихъ — весьма спорныхъ въ столь категорической постановкѣ — тезисовъ, какъ это принято въ запискахъ лицъ ученых. Вмѣсто того они предпочли возсѣсть на своего рода „линостротонъ“ и изречь оттуда *urbi et orbi* очень ужъ строгій приговоръ надъ своею собственною матерью — всей системой русскаго просвѣщенія, и притомъ подъ угломъ зрѣнія не столько науки, сколько политики, въ которой г.г. академики и профессоры не имѣютъ собственно компетентности профессиональной. Къ явнымъ преувеличеніямъ „Записки“ почтенный авторъ относитъ, между прочимъ, наименованіе нынѣшняго положенія нашего просвѣщенія „самымъ жалкимъ“. Между тѣмъ едва-ли авторы „Записки“ могутъ отыскать хотя бы одно конституціонное государство, въ которомъ народное просвѣщеніе въ сорокалѣтіе сдѣлало-бы столь быстрые успѣхи. — Что касается требованія „Записки“ безусловной „свободы преподаванія“, то, насколько извѣстно, ни въ Старомъ, ни въ Новомъ свѣтѣ не существуетъ университета, гдѣ преподаватель могъ бы преподавать съ кафедръ все, что ему взбрѣдетъ на умъ: вездѣ эта свобода ограничена законами страны и долгомъ патріотизма.

Крайнимъ преувеличеніемъ, по мнѣнію проф. Будиловича, представляется и увѣреніе „Записки 342“, будто наши профессоры „низводятся на степень чиновниковъ, долженствующихъ слѣпо исполнять приказанія начальства“. Профессоры республиканской конституціонной Франціи куда зависимѣе въ этомъ отношеніи отъ своего начальства!... А если все-таки ихъ мать не въ Россіи, а, напримѣръ, въ западной Европѣ, то что мѣшаетъ такимъ пасынкамъ перебраться на „тотъ берегъ“, какъ это сдѣлали нѣкогда

князя Гагаринъ и Голицынъ, Мартыновъ, Герценъ и многіе другіе добровольные пасынки русской образованности? . . (стр. 9—13, 22).

Между прочимъ, г. Будиловичъ отмѣчаетъ тотъ интересный фактъ, что тѣ же лица, какъ приходилось слышать, которыя подписали „Записку“, или потомъ присоединились къ ней, очутились, по убѣжденію или изъ послѣдовательности, во главѣ совѣтскихъ партій, выдвигавшихъ разныя затрудненія къ возобновленію лекцій. Такимъ образомъ они, быть можетъ, и не сознательно, вызвали такія грустныя явленія, какъ *pronunciamento* приватъ-доцентовъ и ассистентовъ, за ними преподавателей многихъ среднихъ школъ, а наконецъ, какъ логическій выводъ отсюда, забастовку студентовъ. Въ этомъ отношеніи дѣятели старшаго поколѣнія, руководящіе такой ядовитой пропагандой, *оказываются эгоистичнѣ животныхъ*: послѣднія прикрываютъ своихъ дѣтенышей отъ опасности, даже цѣною жизни, тогда какъ эти дѣятели употребляютъ своихъ дѣтей вмѣсто тарана въ борьбѣ съ правительствомъ или обществомъ! (стр. 45, 48).

Въ своей послѣдней статьѣ, помѣщенной въ сборникѣ, г. Будиловичъ подробно касается „политическихъ мечтаній 170 профессоровъ и преподавателей“, выраженныхъ ими въ цѣломъ рядѣ резолюцій на съѣздѣ въ Петербургѣ (25—28 марта с. г.). Прежде всего г. Будиловичъ отмѣчаетъ рядъ непонятныхъ странностей, въ родѣ, напр., слѣдующихъ: какъ совмѣстить существованіе профессорскаго союза и его устава только въ проектѣ съ его дѣятельностью на съѣздѣ? Почему члены съѣзда, не избранные ни совѣтами, ни факультетами, по принадлежности, какъ это отмѣчено, между прочимъ, харьковскимъ ректоромъ Куплеваскимъ („Новое Время“ № 10454) — титулуютъ, однако, себя въ резолюціи „мы, представители высшихъ учебныхъ заведеній“? На какомъ основаніи союзъ, задавшійся цѣлью „объединить дѣятелей ученыхъ и высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга (sic!), въ видахъ дости-

женія и обезпеченія нормальнаго устройства академическаго быта на началахъ академической свободы и автономіи“, счелъ себя въ правѣ принимать резолюціи общеполитическаго характера, притомъ такія, которыя были бы по плечу развѣ учредительному собранію народныхъ представителей? (стр. 67—68).

Обращаясь къ разсмотрѣнію сущности постановленій съѣзда, г. Будиловичъ шагъ за шагомъ доказываетъ полную ихъ несостоятельность. Въ самомъ дѣлѣ, осуществимо ли на практикѣ, напр., постановление о „немедленномъ упраздненіи всѣхъ существующихъ ограниченій свободы общественныхъ собраній, свободы печатнаго и устнаго слова“? Едва-ли! Вѣдь въ числѣ этихъ „собраній“ могли бы найтись и „черныя сотни“, заявившія себя уже въ разныхъ городахъ и весяхъ Россіи пріемами уличнаго самосуда по отношенію къ „интеллигенціи“! А затѣмъ, на ряду съ сотнями черными, могли бы вѣдь вновь выступить на сцену и „сотни красныя“, предводимыя какимъ-нибудь Гапономъ и другими анархистами, которые принялись бы, напр., преобразовывать отечество по образцу недавняго ялтинскаго разгрома. . . Наконецъ, примѣръ Московскаго сельско-хозяйственнаго общества доказываетъ, что и невинныя раньше организациі могутъ, при извѣстныхъ условіяхъ, переродиться въ клубы якобинцевъ, чтобы подъ двуглавымъ орломъ разбрасывать по всѣмъ волостямъ Имперіи воззванія къ мятежу (стр. 75).

Что касается свободы печати, то она, говоритъ г. Будиловичъ, никдѣ въ мірѣ не существуетъ безъ извѣстныхъ законныхъ ограниченій. Иначе это была бы не свобода, а разгулъ произвола, который вызвалъ бы *bellum omnium contra omnes*, — предвкушеніе чего и замѣчалось уже у насъ въ пору вакханалій слова, подготовившихъ событія 9 января (стр. 76).

Далѣе, г. Будиловичъ подробно выясняетъ, что произошло бы, въ случаѣ постройки нашего народнаго предста-

вительства на началахъ „общаго и равнаго для всѣхъ избирательнаго права“, безъ обращенія вниманія на „національныя, вѣроисповѣдныя, сословныя и классовыя привилегіи и правоограниченія“. Не нужно забывать, говорить онъ, что по переписи 1897 г. въ Россіи насчитано на 84 милл. русскихъ до 24 милл. инородцевъ, такъ что, „при всеобщихъ и равныхъ выборахъ“, въ нашемъ народномъ представительствѣ должно бы быть не менѣе 33% инородческихъ депутатовъ. Если же принять въ соображеніе относительную скудость русскаго образованнаго класса, въ сравненіи, напр., съ интеллигенціей нѣмецкой, польской, еврейской, и вспомнить такъ называемое оскудѣніе нашего центра въ пользу окраинъ, то слѣдуетъ опасаться, что указанный процентъ инородцевъ повысится въ нашей палатѣ до 50% и болѣе. А такъ какъ представители русскіе при этомъ раздѣлятся на разныя группы, изъ коихъ та, которую опекаютъ наши 170, примкнетъ къ инородцамъ и инновѣрцамъ, то возникаетъ вопросъ: какую же устойчивость можетъ имѣть подобное безпочвенное сооруженіе? (стр. 82—83).

Еще болѣе недоумѣній вызываетъ та резолюція съѣзда, въ которой выражается протестъ противъ якобы руссификаторской политики русскаго правительства. Если бы наше правительство дѣйствительно руководилось теперь или раньше руссификаторскими стремленіями, то развѣ возможны были бы у насъ эпохи Бирона и Петра III, возможны были бы времена, когда Ермоловъ ходатайствовалъ о производствѣ его въ нѣмцы, а Самаринъ вынужденъ былъ печатать „Окраины Россіи“ за границею? Развѣ успѣли мы, хотя отчасти, колонизовать русскимъ населеніемъ Финляндію, Прибалтійскія и Привислинскія губерніи, Крымъ, Кавказъ, Туркестанъ, Поамурье? Не видимъ ли, наоборотъ, быстрого захвата инородцами и даже иноземцами нашихъ богатѣйшихъ по природѣ областей, не исключая ни Новороссіи, ни Кавказа, ни Урала, ни даже отдаленной Камчатки? Если же русское правительство принимало по

временамъ, хотя и очень нерѣшительныя, мѣры для распространенія русскаго языка и образованія въ средѣ своихъ инородцевъ, то развѣ не поступаютъ точно такъ же — только съ большей послѣдовательностью и энергіей — все прочія государства, имѣющія, какъ и Россія, національную основу? Въ частности, развѣ не поступаетъ такъ Германія въ Познани, Голштиніи, Лотарингіи? Или Франція — въ Бретани, Аквитаніи, Провансѣ? Или, наконецъ, Англія — въ Уэльсѣ, Ирландіи, Шотландіи, а равно во всехъ колоніяхъ, не исключая даже Индіи, съ ея огромнымъ и даровитымъ индусскимъ населеніемъ? Да и Американскіе Штаты развѣ признаютъ „право на самоопредѣленіе“, хотя бы только въ школьной области, за входящими въ составъ республики народами, романскаго, нѣмецкаго и негрскаго происхожденія, представляющими каждый, вѣроятно, не менѣе 10 милліон. населенія?

Не должна же Россія изъ-за инородцевъ потерять свой національный характеръ, присущій ей въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія; не должна въ угоду полякамъ, евреямъ, нѣмцамъ превратиться въ федерацію областей и народностей по образцу Швейцаріи или Австро-Венгріи (стр. 88—89).

Въ заключеніе г. Будиловичъ рисуетъ ту, по истинѣ печальную, картину будущаго Россіи, въ случаѣ осуществленія болѣе чѣмъ странныхъ политическихъ мечтаній 170 русскихъ Солонovieвъ.

Вотъ эта картина. Святая православная Русь исчезнетъ, какъ таковая; она превратится въ Русь не православную, даже не христіанскую, а скорѣе всего въ масонскую; проектируемый патріархатъ не спасетъ нашей церкви отъ порабощенія. . . Съ правозглашеннымъ упраздненіемъ всехъ классовъ и сословій при выборахъ, быстро разложится у насъ и дворянство, и духовенство, и крестьянство, и все это сольется въ типахъ хищника, съ одной, а добычи, съ другой стороны; мобилизованная земля перейдетъ изъ рукъ помѣщиковъ и крестьянъ въ руки банкировъ и міро-

ѣдовъ; безземельный пролетаріатъ наполнить города и села и послужить отличнымъ матеріаломъ для экспериментовъ социализма; въ странѣ послѣдуютъ обширныя народныя передвиженія, причемъ инородцы устремятся въ поля черноземныя, въ области съ металлами, минералами и водяною силою, крестьянство же русское постепенно будетъ отодвинуто въ пески и тундры, пока не найдетъ себѣ надежнаго убѣжища отъ опасностей бѣлой и желтой — на необитаемыхъ островахъ Ледовитаго океана.

А между тѣмъ кто можетъ поручиться, что Россія дѣйствительно находится теперь, какъ увѣряютъ 170 профессоровъ, „на краю пропасти“? Не оптический ли это обманъ, обусловленный какимъ-нибудь маревомъ или гипвозомъ со стороны инородцевъ? Слишкомъ уже подозрительна суетливость всѣхъ этихъ союзовъ и сѣздовъ, вдругъ народившихъ безчисленныя деклараціи и резолюціи, гдѣ крайняя скудость доводовъ восполняется обиліемъ подписей. Не голосъ ли это іерихонскихъ трубъ, отъ котораго должны пасть не только картонныя стѣны русской бюрократіи, но и вѣковыя твердыни русскаго государства? Былъ въ исторіи моментъ, когда наше отечество дѣйствительно находилось „на краю пропасти“. А. С. Будиловичъ имѣетъ въ виду смутное время на Руси. Но, къ счастью, нашлись тогда люди, которые взяли на себя трудъ возсоздать „разсыпанную храмину русской земли“ по другому плану, не обращаясь за содѣйствіемъ ни къ Сигизмунду III, съ его панами и іезуитами, ни къ тушинскому вору, съ его казацкой вольницей. „Храмина“ была возсоздана по молитвамъ Гермогена, вдохновеніемъ Авраамія Палицина и геройскими усиліями Мининыхъ и Пожарскихъ, — возсоздана, въ видѣ прежняго восточно-христіанскаго царства, вѣрнаго всѣмъ завѣтамъ своего прошлаго, своей кирилло-мелодіевской образованности.

Исцѣленіе всѣхъ золъ Россіи г. Будиловичъ видитъ въ возрожденіи нашихъ старыхъ учреждений, оттѣсненныхъ со

временъ Петра Великаго западнымъ вліяніемъ, въ частности же въ возстановленіи и развитіи нашего Земскаго Собора, въ его всеословномъ составѣ и національно общественномъ значеніи. „Вотъ нашъ историческій путь, говоритъ онъ, слѣдуя ему, Россія найдетъ надежный выходъ и изъ нынѣшнихъ невзгодъ, которыя напрасно многимъ представляются чѣмъ то неодолимымъ для богатырскихъ силъ русскаго народа“ (стр.

Быть можетъ, нѣкоторыя изъ опасеній, высказанныя г. Будиловичемъ въ деталяхъ изображенія слишкомъ мрачнаго будущаго нашего отечества, и преувеличены, но все таки этотъ предупреждающій голосъ истинно русскаго человѣка долженъ быть заслушанъ съ большимъ вниманіемъ.

Проф. М. Красноженъ.

